

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2018–2019 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС

I. [40 баллов] ЗАЛ ПЕРСОНАЖА

Примите участие в создании необычного музея. В него должны быть помещены вещи, которые важны для героя художественного произведения. Это могут быть предметы, не обязательно принадлежащие герою, но характеризующие его и существенные для создания его образа.

1. Подумайте, какие предметы (числом до 10) обязательно должны быть в музее Грушницкого из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Напишите их список.

2. Проведите экскурсию по залу. Напишите связный текст своей экскурсии, рассказав о каждом экспонате в определённой логической последовательности. Включите в свой рассказ отсылки к тексту романа. Объём текста экскурсии – примерно 200–300 слов (слова считать не нужно).

II. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА.

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Борис Петрович Екимов (род. 1938)

«ТЫ НЕ ВСЁ НАПИСАЛ...»

Приехал на лето в посёлок. Знакомых встречаю, беседуем, всё же долго не виделись, целую зиму. Женя Фетисов – шофёр местного автобуса, давний сосед, сын когда-то на весь Калач знаменитого Мити-гармониста.

– Зимой твою книжку читал, – говорит мне уже седовласый, но для меня всё равно – Женя. – Хорошая книжка, но ты не всё написал. Помнишь, ходили за лазоревыми цветками, за Дон, в Грушевую балку, и видели змеиную царицу...

– Какую царицу?.. – изумился я.

– Змеиную. Настоящую. Она на камне лежала. Большой самородный камень, а она на нём, прямо вся золотая, аж светится. Неужели не помнишь? – настойчиво вопрошал меня собеседник. – Змея здоровучая, вся золотая и в панцире, прямо светит... А мне потом бабка сказала: это змеиную царицу мы видели. Настоящая царица над всеми змеями. Ты про неё напиши. Я помню, хоть и маленький был, как мы сначала испугались. А потом глядели. У неё на голове – корона. Она нас не тронула. А могла и убить. Бывали такие случаи.

В нашем детстве было много славных походов: за лазоревыми цветами, за кислым щавелем, за пахучей скородой-чесноком, за ландышами в лесистое займище, за птичьими яйцами по весне (их там же и варили в солдатской каске), а ещё за патронами, за артиллерийским снарядным порохом (он – жёлтый,

колбасками), за птенцами – кобчиками, которых пуховыми брали из гнезд и растили дома, а ещё за сладким солодиком осенью, тогда же – за бояркой, кисляткой, шиповником, дикими яблоками да грушами. Их было много, и много ребячьих походов.

Соседу Жене памятен именно этот, со змеей. Наверное, это был желтопуз, по-научному – полоз желтобрюхий. Действительно, большая змея, о которой рассказывали немало страшного: колесом свернётся, голова к хвосту, и катится быстро, даже машину может догнать; а когда разозлится, то на хвосте надувает большую шишку ли, шар и бьёт им до смерти человека или скотину, даже телегу может разбить или деревянный борт у грузовой машины. Такие вот страсти. А желтопуз и вправду красив. Поэтому сосед и запомнил его: под солнцем сияющий, на белом камне змеиный царь ли, царица, и даже с короной. Сказка детства и долгая память и потому наказ: «Напиши...»

Приехал как-то на хутор к товарищу, погостевать, порыбачить. Не виделись давно, целую зиму. Новостей много, беседуем. А потом он говорит:

– Книжки твои зимой читал. Делать особо нечего. Со скотиной управился – и читай. Ты про наш паром написал, про перевозчика Федю Босяву, а потом мост построили, и всё ушло – это правильно. Но ты не всё написал. Вот я вспомнил, что когда был паром, а мы на выходные к матерям едем на хутор из города... Уже мы работали, машины появились, у меня был «Москвич». А кто – на казенных, многие шофёрили. К матерям едем на выходной, все – задонские, парома не минуешь. Мне – в Набатов, дружок мой, Михаил Одинев, в Осиновке жил, мы вместе в Нижнем Чиру на комбайнёров учились, Иван Бочков – липологовский, мы с ним вместе в армию призывались, из Голубинки были, из Большой Голубой, из Малой. И все – к переправе. Кого и сто лет не видел, встречаешь. Обычно много машин в пятницу и субботу, до самого базара хвост, аж за переезд. Стараемся вместе: своих пропустить да пристроить. Тем более на пароме Иван Вареников работал, наш, набатовский. Но всё равно переправимся лишь вечером, часам к девяти. Переправились, не уезжаем, всех ждём. А уж тогда погнали все вместе. Доезжаем до кургана Хорошего, где развилка. Ставим машины, полог – на траву, садимся, выпили чуток и загалдели... Все новости: кто, где, чего... И всё дочиста вспомним, ведь вместе росли, пусть хутора разные, а совхоз один, «Голубинский». И в школе, кто после седьмого класса, в одной учились. В голубинский клуб пешком ходили да на велосипедах. Есть чего вспомнить, шумим до ночи, а то и зарю встречаем. Потом встали, попрощались. Давай по коням, каждый в свою сторону: одни – налево, на Липологовский, другие – на шлях, осиновские да голубские, найдёновские, мы – на Евлампиевку, Тёплый, Набатов. Разлетелись...

И так вот, пока был паром, встречались и знали. В городе по телефону звонили: мол, едешь, не едешь.

А мост построили, паром убрали – и конец всему. С тех пор, считай, никого не видел. Негде. Через мост напрямую – и дальше погнал. И каждый так. Всё. Кончились встречи. Вот про это у тебя не написано. А надо бы написать.

– Конечно, надо, – с усмешкой подтверждает слова приятеля его жена. – Про ваши пьянки-гулянки. Как ты напился на этом кургане и вместо Набатова уехал аж в Иловлю.

– Ну, это туман был, – оправдывается супруг. – И никакая не Иловля, а на Ляпин бугор заехал. А ты сколько лет-годов помнишь.

С мужем в спор не вступая, хозяйка мне говорит:

– Моя подруга из Сиротинской всё хочет вас повидать. Я вам как-то рассказывала про её маму. Но она сама хочет, она это лучше знает. Вот бы, говорят, он написал. Такая жизнь.

У неё мама была – красавица. Высокая, лицо – белое, глаза голубые, ротик, носик – всё как нарисованное, брови – чёрные, а волос длинный, коса заплеталась до пояса. Она до старости была такая красивая, а уж в девках – и вовсе. Дружила она с одним парнем, а он её обманул. Он – из казаков, из богатых, а она – сирота у матери, жили бедно. Он обещал жениться. И обманул. Её, конечно, ославили, по всем хуторам молву волочат. Она плачет, а куда денешься. И выдали её за безногого парня из богатой семьи. У него ноги-то были, но маленькие, как у дитя, калачиком. Он на них не ходил, ездил на тележке с колёсиками. Выдают её за этого парня-калеку. А куда ей деваться?.. Без приданого, отца нет, мать – бедная, в хатке-мазанке жили. Да ещё – порченная. На всю округу ославили. А в те годы это был позор.

Свадьба была богатая. Как положено, в церкви венчали.

И вот стоит она в церкви у аналоя. Высокая, красивая да в белом венчальном платье. Ну прямо царица. А жених – возле ног её, на деревянной тележке.

Народу нашло со всех хуторов, полна церква. Бабы и девки плачут, ревмя режут. А она стоит – красавица. А он – на полу, возле ног, до коленок ей.

Вот так и выдали замуж. Он работал объездчиком. Она ему запряжёт лошадь и на руках его из дома несёт, в бричку сажает. Он и поехал. Так и жили. Четверых детей нажили: два сына, две дочери. Моя подруга – младшая. Вот и хочет она, чтобы вы написали. Всё спрашивает у меня, как с вами поговорить. Про это надо бы написать. Это бы всем было интересно. Такая жизнь...

И вправду ведь такая у нас жизнь: будто простая, обыденная, идёт и идёт, но оглянешься – а там что-то светит и греет душу, даже через много лет. Какая-нибудь сказочная царь-птица или царица-змея из детства, или просто мама ли, бабушка в один из дней, которых было, оказывается, так много, что обо всём не напишешь.

(2006)

Вариант 2

Александр Моисеевич Городницкий (р. 1933)

СТАРЫЙ ПУШКИН

И Пушкин возможно, состарившись, стал бы таким,
Как Тютчев и Вяземский, или приятель Языков.
Всплывала бы к небу поэм величавых музыка,
Как царских салютов торжественный медленный дым.

И Пушкин, возможно, писал бы с течением дней
О славе державы, о тени великой Петровой, –
Наставник наследника, гордость народа и трона,
В короне российской один из ценнейших камней.

Спокойно и мудро он жил бы, не зная тревог.
Настал бы конец многолетней и горькой опале.
И люди при встрече шептали бы имя его,
И, кланяясь в пояс, поспешно бы шапки снимали,
Когда, оставляя карету свою у крыльца,
По роскоши выезда первым сановникам равен,
Ступал он степенно под светлые своды дворца,
С ключом камергера, мерцая звездой, как Державин.

Царём и придворными был бы обласкан поэт.
Его вольнодумство с годами бы тихо угасло.
Писалась бы проза. Стихи бы сходили на нет,
Как пламя лампы, в которой кончается масло.

И мы вспоминаем крылатку над хмурой Невой,
Мальчишеский профиль, решётку лицейского сада,
А старого Пушкина с грузной седой головой
Представить не можем; да этого нам и не надо.

(1978)

Максимальный балл за все верно выполненные задания – 80.